

В вашей газете от 12.10.90 в информации «Достижения» о встрече заместителя Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР Б. И. Олейника с представителями политических течений страны, в частности было написано:

«...Выступивший от марксистской рабочей партии — партии диктатуры пролетариата — Н. Лезгин решительно высказался против рынка, а заодно и единого государственного языка в СССР. «Государство велико великим языком!» — не сдержал тогда эмоций один из представителей «Памяти» и выразил оратору протест по поводу «обвинения русских в расизме». В ответ Н. Лезгин заметил, что в «кузде» державу «могут держать только рабочий класс и трудовое крестьянство».

К сожалению, то ли из-за невнимательности автора заметки В. Зеньковича, то ли при редактировании или по другой причине суть моего выступления в таком изложении сильно исказилась.

В своем выступлении я сказал, что наша партия за единую страну, но не с позиций выступавшего в числе первых на этой встрече представителя движения «Промос». А говорил он о единстве, основанном на власти русского царя, на отмене всех автономий и на лишении всех наций страны права на отделение, так как их территории в разное время были завоеваны русскими царями. Именно по поводу этого высказывания мною было замечено, что это, вообще-то говоря, — расизм. Здесь же выразил мне свой протест и представитель «Памяти» по поводу «обвинения русских в расизме». Понятно, что на него я никак не мог ответить так, как приводится в газете. Это совершенно не связанные темы.

На самом деле я спросил у присутствующих, поняли меня или так же, как и «протестующий»? Таковых не нашлось, и Б. И. Олейник сказал, что вопрос исчерпан. Непонятно, зачем автор заметки после этого написал об этом инциденте, да еще в таком изложении.

Так как речь шла о будущем Союзном договоре, то обсуждение вопроса о рынке происходило с позиций единства страны. Как марксист я не мог и не выступал против рыночных отношений вообще (смейно, например, отрицать рыночные отношения в обществе с экономикой, где преобладает мелкобуржуазная стихия). Разговор был о том, что рыночные отношения в стране в настоящий момент пробуждают и формируют класс капиталистов. Капитал не может не стремиться устанавливать свою монополию. Ограниченность размеров капиталов вынуждает различные группы новой буржуазии устанавливать ее, монополию, на ограниченных территориях.

Процессы, происходящие в Прибалтике, Молдове, Закавказье и других местах, в основе своей мало имеют отношения к реально существующим в стране национальным проблемам. На это указывает их схожесть с процес-

сами, происходящими под знаком «самостоятельности регионов» на таких «национальных» территориях, как Москва или Ленинград. В обоих случаях идет борьба между различными группами растущего класса буржуазии за раздел страны на сферы влияния. Поэтому в нынешней политической ситуации в стране, если мы за ее единство, то должны решительно высказаться против рынка. Вот, что было сказано.

По поводу государственных языков, именно государственных языков а не единого общегосударственного языка в СССР, как сказано в заметке, я выступал. Сказал, что сами местные учреждения должны определять языки своего делопроизводства, исходя из удобства экономического оборота.

Навязывание было бы дискриминацией отдельных языков отдельных наций. Поэтому мы против государственных языков как и для всей страны, так и для отдельных республик, областей... Об отмене государственных языков было сказано не походя, как преподносит В. Зенькович, а как о необходимом элементе устройства общества, способствующем устойчивости многонационального государства. На реплику «Государство велико великим языком» мною было отмечено, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы полицейский насилием внедрял его в чью-либо среду. К сожалению, государственные языки отдельных республик уже установлены, и поэтому в тех местах, где они есть или будут, впредь до их отмены, для экономической и политической защиты всех граждан страны, в этих местах, наверное, необходимо дополнительно объявить и общегосударственный язык кроме местного государственного языка.

В конце мною было сказано, что хотим мы этого или нет, программа по переходу на рыночные отношения в той или иной форме запущена будет, если уже не запущена. К сожалению, как я уже говорил, это усилие сепаратистские силы, может привести к социальным катаклизмам. Единственная социальная сила, объективно не заинтересованная в распаде страны, — рабочие и трудовое крестьянство. Их различным отрядам нечего делить между собой, у них нет капиталов. Поэтому, чтобы в грядущих событиях удержать (а не «держат») общество в определенных рамках (а не в «кузде»), исключая его возможное самоуничтожение, партия МРП-ПДП предлагает создать в стране организованную силу из рабочих и крестьян. От имени этой партии я и обратился к присутствующим с призывом организовать оргкомитет по созыву Всесоюзного съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов и созвать его в ближайшее время. Организованный и объединенный пролетариат был бы одним из основных элементов в стабильности общества.

Н. ЛЕЗГИН,
член Совета МРП-ПДП,
выпускник Физтеха.

и должно быть, но на всякий случай привыкать не стоит...

♦ В столовой уже долгое время не работает буфет. Якобы для того, чтобы в нем не отоваривались жители Долгопрудного. Так, может, закрыть и саму столовую, чтобы там не питались посторонние?

♦ Наконец-то в Зюзиню перестали работать все лифты. Еще недавно то один лифт стоял, то другой. И вот поставили чистый эксперимент. Подопытные, как всегда, — студенты.

♦ В воскресенье состоялся массовый легкоатлетический пробег памяти Пацаева. Среди гостей был летчик-космонавт Александр Серебов. Все стартовавшие физтехи благополучно финишировали.

♦ Прошел слух, что по выданном нам красным визиткам не продают промышленные товары. Как нам разъяснили в исполкоме Долгопрудненского совета, это был перегиб на местах. Теперь должны продавать все.

По «Неделе» дежурил
Ю. КЛЕБАНОВ.

ЗА НАУКУ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Московского ордена Трудового Красного Знамени физико-технического института

Орган парткома, ректората, профкома и секретариата комсомольской организации МФТИ.
Выходит с 1 сентября 1958 г.

Пятница, 26 октября 1990 г.

№ 32 (1130)

Цена 1 коп.

ДАВАЙТЕ ПОГОВОРИМ О...

Жаль, конечно, что я уже не учу английский. Честное слово, жаль. Смотрите — прошел уже целый месяц учебы, а никто еще не поинтересовался, как я провел свои летние каникулы. А я, между прочим, провел их хорошо и, между прочим, в прямом отношении к кафедре иностранных языков.

Проходят те скорбные времена, когда физтехи, спрятавшиеся от империалистических разведок под бдительной охраной отделов и подотделов, являли из себя живую государственную тайну и национальное достояние одновременно, поэтому о каждом своем перемещении за пределы Московской области должны были докладывать заблаговременно в деканат. Сейчас, конечно, все не так, и физтехи встречаются с иностранцами в пределах родной страны, а некоторые запросто ездят за границу и даже возвращаются обратно.

Так вот, эти товарищи, пообщавшись с западными людьми здесь или, например, в доступных теперь многим «соцстранах», обнаруживают одну потрясающую вещь — все иностранцы говорят по-английски. Точнее, потрясение происходит в несколько иной плоскости — на том языке, который мы учим в институте, оказывается, можно изъясняться. Приятно смотреть со стороны на брата-физтеха, рожающего в муках творчества какую-нибудь незатейливую (не для нас с ним, конечно) английскую фразу — на его лице написано счастье истинного творчества. «Языковой барьер» — действительно существующая вещь, но не такая страшная, особенно если беседовать с неанглоязычными иностранцами. Оказывается, кстати, что понять чужую фразу гораздо сложнее, чем сказать что-то самому, поэтому призываю всех посещать почаще лингфон, а записи там крутить на большей скорости. Но пока волей-неволей приходится превращаться в ораторов, расписывая потрясающую жизнь на родине, благо интерес к Союзу все еще большой. И вот тут физтех обнаруживает еще одну любопытнейшую вещь — широко распространяется великий и могучий английский язык за пределы словаря-минимума. Наблюдается даже совсем обратная картина. Натякаясь в своей речи на однозвонное слово из этого словаря (типа «simultaneous» «ambiguous» — происходит это обычно раз в четыре непрерывного тирада), я, например, не могу удержаться от пошлого ржания, поднимая назидательно вверх указательный палец и говорю (по-английски): «О! Это слово из нашего словаря-минимума!» Если рядом со мной в это время оказывается физтех, он понимающе кивает, мы радостно смеемся вдвоем, а бедным иностранцам остается только недоуменно пожать плечами. Говорю не шутя — слухи о нашем словаре-минимуме циркулируют по свету от Аляски и до... снова до Аляски. Постепенно разговор налаживается и,

после некоторого периода общей неловкости, растекается, захватывая все мыслимые темы. На вопрос «What is your occupation» — чего, дескать, делаешь: работаешь, или, может, учишься? — физтех неизменно — я вам ручаюсь! — с широкой улыбкой гордо заявляет: I am glad. I am a student... Тут он резко тормозится и добавляет: «Well, but it is another story», — смекалисто подмечая про себя невероятную разницу между another, other и the other. Посмотрела бы на него сейчас любимая преподавательница!

Английский язык — истинный язык межнационального общения — он прост в употреблении, наверное, самый простой из всех европейских языков, не страдает излишним обилием времен и сложностью грамматики (по моему дилетантскому разумению), но главное — это ведь язык «The Beatles», «Pink Floyd», «Modern Talking», на худой конец, и прочих сокровищ мировой рок-культуры. Можно ни хрена не понимая в английском, достаточно спеть нестройным хором «We don't need no education» из «Стенки», и вы уже братья навек. Через некоторое время выясняется, что можно понять друг друга, не употребляя прошедшего продолженного времени, делая жуткие ошибки в неправильных глаголах и передаче прямой речи при помощи косвенной, хотя, конечно, ничего хорошего в этих ошибках нет. (Только не выдавайте меня кафедре иняза! Меня же туда больше не пустят!) Не так страшен и недостаток некоторых неприципиальных слов — просто речь становится необычайно образной, цветистой, один и тот же небольшой словарный набор в невероятных сочетаниях начинает означать совершенно разные вещи и, вместо тривиальной медузы («jelly-fish» — улавливаете простоту создания новых слов? Как тут не вспомнить «новояз» Оруэлла, больше относящееся все же к английскому языку) рождается «прозрачная субстанция, живущая в глубине океана». «Прозрачная субстанция» — оба слова, позаимствованные из словаря-минимума! Самые невосполнимые провалы обнаруживаются потом — после водки. Если ты познакомился с иностранцем в Союзе, без водки не обойтись — русские ведь, как известно, пьют ее чашками, наливая из самовара. После водки больше тянет на беседы о Боге, или там о Добре и Зле (неприменно с большой буквы). Тут-то и обнаруживаешь, что простые слова — добро, зло, вера, или из другой области — живопись, скульптура — не попали в сферу нашего внимания в крутую годину обучения на кафедре. Фамилии художников и писателей — оказывается, например, что художник, которого мы знали как Поля Гогена, вовсе не Гоген, а на самом деле Гогэ, по аналогии другим художником Дега. Чтобы

объяснить немецкому студенту их мехмата, кто такой Эйлер, пришлось вспомнить (с трудом) уравнение Эйлера, углы Эйлера и многое другое, пока не выяснилось, что он известен в кругах зарубежной общественности как Ойле, а вовсе не как Эйлер.

Я уже не говорю о других, чисто, можно сказать, бытовых курьезах. Представьте себе — физтех за границей попадает в ночное варьете. Ну, разумеется, слегка выпивает и идет к приглянувшейся девушке пригласить ее потанцевать. На пути выясняется, что девушке лет пятнадцать и она здесь присутствует с матерью, но нашего физтеха уже ничем не остановить. Галантный кавалер, он знает, что спросить разрешения надо у матушки, но не знает как это сделать. Туго соображая на ходу, он подходит и произносит: «Can I suggest you to...».

И тут вместо dance выдает: to play with your daughter». Легко представить весь ужас бедной матушки. Любость разбита, а все из-за чего? Из-за того, что физтех не научили в свое время простенькой фразе: «Can I offer to dance?».

Не буду множить различные забавные примеры, сошлюсь только на слова старшего товарища, побывавшего в Швейцарии. Он мне говорил не раз: «Сижу я, понимаешь, там, кругом на триста верст ни одного советского человека, время — третий час ночи, все пьяные (это уж как обычно — М. Т.), а мне надо объяснить этим швейцарцам, чем отличается налик от безналика. И вот я смотрю на них и думаю: «Когда же вы, гады, кончите придураться и по-русски заговорите?»

Но не стоит заканчивать на столь pessimistичной ноте. Ободрю загрузивших: нашему герою удалось объяснить всю коренную разницу между наликом и безналиком. И вообще, по данным статистики, хороший студент кафедры иняза говорит по-английски на среднем уровне неанглоязычного иностранца. Плохой ученик кафедры тоже может объясниться, но, как вы понимаете, гораздо хуже.

Любой студент, с которым мне доводилось беседовать после того, как он общался с иностранцами, говорил, рыдая у меня на груди: «Как я был глуп, что плохо учил английский! О, как я тщательно начну его изучать со следующей недели! (следующего семестра, нового года — нужно подчеркнуть, ненужное зачеркнуть)». Вот тут-то бы его, тепленького, и в нежные руки кафедры, побаловать чем-нибудь близким к жизни, и тогда годы учения наизусть «Physics, part I» могли пройти гораздо продуманнее.

Вот и все. Что бы сказать мне вам на прощание, чтобы на сердце вашем потеплело, глаза сентиментально увлажнились, а губы, тронула легкая улыбка? «Let us speak about trans-formers today».

М. ТЕРЛОВСКИЙ.

♦ На последнем заседании членам редакции удалось почувствовать себя истинными ladies and gentlemen. Туман над городом Д. не уступал знаменитому лондонскому смогу.

♦ Редакция сообщает, что беспорядки с посвящением первокуров продолжаются. В «тройке», как выяснилось, посвящали не ФФКЭ, а ФПФЭ. Зато в прошлую субботу в «семерке» прошло посвящение, вы не поверите, ФМХФ.

♦ В фойе клуба распродавали самоцветы. Теперь физтехи будут ходить на занятия красивые.

♦ Мы все, разумеется, очень удивлены, но перекопанных земель стало меньше. Говорят, так

У ЛЕОНАРДА

19 октября фильмом «Этот смутный объект желания» была продолжена ретроспектива Луиса Бунюэля. Сам автор писал об этом фильме: «Я снял его в 1977 году с участием Кароль Буке и Анжели Молинье, которые играли одну роль. Большинство зрителей этого явно не заметили».

Заметили вы это или нет, но сегодня и в следующую пятницу вы сможете увидеть два фильма, завершающих ретроспективу Луиса Бунюэля: «Скромное обаяние буржуазии» и «Призрак свободы», пожалуй, в наибольшей степени воплотивших творческое кредо режиссера.

А в два ближайших воскресенья будут показаны фильмы Р. Олтмена «Долгое прощание»

— неторопливый рассказ о детективе - одиночке (1973) и «Нераскрывшиеся парашюты» (1983), в котором спустя 13 лет после успеха «М. А. С. Н.» Олтмен снова обращается к армии. Этот фильм резко отличается от остальных картин ретроспективы полной безысходностью авторского взгляда, несвойственного Олтмену начала 70-х.

„ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ“ — ВАШЕ ПРАВО ВЫБОРА

ПРОДОЛЖАЕМ ПУБЛИКАЦИЮ ТЕМАТИКИ СПЕЦКУРСОВ КАФЕДРЫ «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА ИНДИИ Алексей Владимирович ПИМЕНОВ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Сергей Владимирович ИЛЛАРИОНОВ

В 1965 г. один из классиков отечественного востоковедения, Н. И. Конрад, писал: «Пусть молодой человек нашего времени знает не только Беатриче или Лауру, но и Ян Гуй-фэй и Суламифь. Пусть зазвучит для него героика не только «Песни о Роланде», но и «Сказания о Тайра». И пусть звучит, — потому что и это нужно, — не только Монтень, но и Экклезиаст».

За двадцать пять лет, прошедших с тех пор, многое изменилось. Теперь никого не нужно убеждать в том, что восточная культура не менее значительна и интересна, чем западная. Более того, рассуждения о взаимосвязи и взаимопроникновении культурных традиций нередко выглядят общим местом. Но предассудки в отношении философии, религиозных учений, словесности стран Востока не исчезли — лишь характер их стал иным.

Это относится в первую очередь к той из азиатских цивилизаций, которая стала наиболее значимым, в сравнении с другими, фактом духовной жизни Европы и Америки, — индийской. И, как это ни странно, «индийский бум», необыкновенная популярность на Западе (а с некоторых пор и у нас) индуистских (или псевдоиндуистских) сект, а также таких слов, как «йога», «медитация» и «Камасутра», не облегчает, а скорее затрудняет знакомство с подлинной индийской культурой и индуистской духовной традицией. Ведь если отсутствие знания — нулевая величина, то ложное знание — величина отрицательная.

Разумеется, в моде на все индийское можно усмотреть не одни только отрицательные стороны. Но, как писал когда-то Стендаль, легко говорить либо о том, чего никто не знает, либо о том, что знают все. О том же, что находится как бы посередине (Стендаль имел при этом в виду Наполеона), говорить трудно, ибо каждый имеет на этот счет свое представление. Приблизительно так обстоит дело и с индийской культурой и, в частности, философией. Большинство людей находится по отношению к ней в странном двойственном положении: очень мало (во всяком слу-

чае, если речь идет о научной интеллигенции, студентах и т. д.) таких, кто не имел бы об индийской духовности вообще никакого понятия и в то же время еще меньше число тех, кто был бы знаком с ней по-настоящему. Такого рода знания, как правило, — удел узкого круга специалистов.

Нельзя не упомянуть и о другом немаловажном обстоятельстве. Современный школьник, студент, да и любой человек, интересующийся индийскими духовными традициями, имеет не так уж много возможностей доступа к источникам информации, действительно заслуживающим доверия. Научные работы по идеологии выходят в нашей стране, к сожалению, ничтожно малыми тиражами, не говоря уже о том, что узко специальный характер большей части их делает малопривлекательными в ситуации «первого знакомства» с Индией. И любопытство читателей удовлетворяется безвкусными и антиисторическими комментариями современных популяризаторов индуизма (как правило, неизвестными в самой Индии) или образчиками отечественной продукции такого рода, вроде «Семи дней в Гималаях».

Существует, однако, центральный вопрос, на который необходимо ответить. Какое все это имеет значение? Почему вообще так важно иметь верное, а не искаженное представление об индийской цивилизации? И почему это относится не только к специалистам, сделавшим востоковедение своей профессией? Иначе говоря: чего лишится современный интеллигент, если не познакомится с индийской культурой?

На первый взгляд, ответ прост. Каждая цивилизация неповторима, каждая заслуживает изучения, каждая — «неповторимая грань божьего замысла». И этого было бы достаточно. Но есть и другая причина. «Вечная Индия» редко привлекала внимание тех европейцев, кто на Востоке стремился найти модель идеального общественного устройства, подобно французским просветителям, нашедшим ее в конфуцианском Китае, или мыслителям Ре-

нессанса, двумя столетиями раньше, связывавшими свои надежды с Османской империей. В Индии же при самой высокой степени неосведомленности невозможно было заподозрить образец политической стабильности и благополучия. Бесконечные войны между крупными и мелкими государями, непрерывная перекройка границ, смена одних победоносных завоевателей другими — все это не могло служить иллюстрацией к социальной утопии. Зато еще в античную эпоху до Европы доходили рассказы о таинственных «гимнософистах», аскетах и подвижниках, смиривших страсти и достигавших чудес в области контроля над эмоциями. Не «царствие божие на земле», а глубины духовные, не организация власти, а неукротимое стремление к истине, не воин и правитель, а мудрец-отшельник и поэт — вот с чем ассоциировалась Индия в сознании западного человека. И интеллектуалы Европы и Америки — от немецких романтиков до битников 60-х годов — изучали культуру этой страны, чтобы с ее помощью лучше понять самих себя.

Для нас же знакомство с древней Индией приобретает характер самопознания и по иной причине. Наша страна ближе к Индии, чем Западная Европа, — и не только географически. На территории нынешней советской Средней Азии археологи находят буддийские памятники — следы великой империи Шунан, одного из могущественнейших государств древности, центр которого находился в Индии.

К тем, кто предпочитает такой вариант самопознания, обращены мои лекции. Конечно мы не сможем пройти весь путь приближения к индийской духовности. Рассчитывать на это было бы слишком самонадеянно с моей стороны, не говоря уже об отсутствии времени, которое для этого понадобилось бы. Я ставлю перед собой другую задачу — сделать только несколько первых шагов и снабдить моих слушателей некоторыми необходимыми сведениями, чтобы в будущем они, если не пропадет желание, могли самостоятельно двигаться по этому пути.

Курс, который я имею честь представить вашему вниманию, называется «История европейской философии». Но тема моей заметки будет несколько шире, поскольку я намерен говорить не только об истории европейской философии, но об истории философии вообще. Речь будет идти о том, что такое история философии и зачем она нужна. Можно выделить два важнейших аспекта. Первый из них состоит в том, что история философии представляет собой очень важную часть мировой культуры, без знания которой очень трудно (а может быть даже и просто невозможно) понять другие стороны истории культуры. Я беру на себя ответственность за утверждение, что ни историю литературы, ни историю науки нельзя понять вне их связи с историей философии. Я ограничился литературой и наукой лишь в силу того, что я не настолько хорошо знаю историю изобразительного искусства и музыки, чтобы сделать аналогичное утверждение и по отношению к ним, но очень возможно, что специалисты по истории этих проявлений человеческого духа скажут то же самое.

Однако, связь истории философии с другими формами духовной деятельности человечества, это, может быть, даже не самый важный ее аспект. Дело в том, что история вообще — это самосознание человечества. И в этом плане история философии является, если так можно выразиться, самосознанием человечества «в квадрате». Философия почти

всегда была и остается осмыслением Мира человеком и своего места в этом Мире. А история философии показывает, как менялся и развивался характер этого осмысления. История философии — это грандиозная драма идей, мыслей и концепций, вырабатываемых человеческим интеллектом.

И здесь мы сталкиваемся с еще одним важным моментом. Дело в том, что история философии сама является объектом философского осмысления, т. е. представляет собой очень интересный и нетривиальный раздел философии. С этим обстоятельством связано то, что история философии по-разному осмысливается в различных философских концепциях. Можно сказать, что у каждого философа своя история философии. Это, конечно, превеликое, и речь должна идти не об отдельных философах, а о философских направлениях. И тот курс, который я представляю слушателям, также не свободен от этого «недостатка». В данной конкретной ситуации это выражается в выборе темы курса — история европейской философии. По моему мнению, именно в европейской философии наиболее полно реализуется упомянутая выше «драма идей», переплетение, взаимодействие и взаимоотталкивание философских концепций и позиций. Ну, а в какой мере это удастся реализовать в курсе, будут судить сами слушатели.

Итак, приглашаю вас на курс «История европейской философии».

ИСТОРИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Татьяна Васильевна ЧЕРЕДНИЧЕНКО

В курсе «История музыкальной культуры» рассматриваются самостоятельные типы музыки, со своей скоростью, своими способами и критериями развития: ранне- и средне-стадиальный фольклор; внеевропейский устный профессионализм (например, индийская рага); европейская письменная композиция; городская развлекательная музыка (со времен жонглеров и менестрелей до джаза и новых форм рок- и поп-музыки).

Наиболее выраженной эволюционной перспективой наделена письменная европейская музыка, которая подробно освещается в курсе. Специальные лекции посвящены музыке авангарда 20 в. Задача курса не только очертить исторические различия музыки,

объяснить смысл ее разнообразия в контексте тех или иных укладов культуры, но, по мере возможности (и преподавателя, и аудитории), научить различным музыкальным языкам и соответствующим логикам мышления.

В порядке рекламы курса: люди, посвятившие себя строгой науке, отличались развитой музыкальностью (да и самая строгая наука — математика, как известно, длительное время была наукой о музыке, и более того: музыкальной наукой). А совсем недавно, в 20 в., Р. Штайнгер считал, что если теорему нельзя спеть, то она ущербна; впрочем, все это станет понятно тому, кто для начала научится в спетом расслышать некую теорему.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII—XIX ВЕКОВ

Андрей Леонидович ЗОРИН Александр Алексеевич НОСОВ

Задача курса дать несколько представление о самом затаканном, но и, вероятно, одном из наиболее интересных фрагментов отечественной культурной истории. Речь идет не только о преимущественной ориентации на имена, обойденные школьной программой, но и о демонстрации современных принципов подхода к литературному процессу.

Перед слушателем будет развернута картина петербургского периода истории русской словес-

ности от Ломоносова до Мережковского, увиденная с точки зрения как развития взаимоотношений литературы и общества, так и движения самих способов художественного освоения к миру, претворения реальности в слово. В центре курса — исторический феномен русской классики как способ духовного самоопределения нации. Как русская литература приобрела эту роль и каким образом играла ее, мы и постараемся рассказать в ходе лекций.

От русской философии к русскому космизму Ольга Даниловна КУРАКИНА

Русская философия в динамике и развитии станет предметом нашего изучения. Предполагается знакомство с творчеством таких русских философов как И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Струве, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, С. Н. и Е. Н. Трубецкие, В. Н. Несмелов, отец Павел Флоренский, отец Сергей Булгаков, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, Н. Ф. Федоров и др. В качестве учебных пособий рекомендуются:

Лосский Н. О. История русской философии. М.: Инс. лит., 1954;

Зеньковский В. В. История русской философии, в 2-х томах. П.: ИМКА, 1989;

Левинский С. А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли, в 2-х томах. Ф.-М.: Посев, 1981; копиями которых будет располагать библиотека кафедры истории культуры. Библиотека, по мере возможности, будет обеспечиваться всеми первоисточниками. Традиционное изложение русской философии будет дополнено знакомством с русским космизмом, который мы понимаем предельно широко, как тысячелетнюю отработку в российской метакультуре мировоззрения живого, нравственного все-

единства человека, человечества и Вселенной. Здесь уместно вспомнить и «Философию общего Дела» Н. Ф. Федорова, и естественно-научную школу русского космизма: Циолковский, Чижевский, Вернадский и др., и «эзотерическое христианство» Г. И. Гурджиева, и «Розу Мира» Д. Л. Андреева, и «Живую этику» Рерихов, и многих других, современных «ищущих». Развитие русского космизма будет соотносено с развитием Мирового космизма.

Спецкурс предполагает практические занятия по использованию в обучении новых информационных технологий на базе ЭВМ и каналов связи.

Введение в общую историю науки

Юрий Викторович ЧАЙКОВСКИЙ

Цель курса — показать место науки в истории культуры, очертить основные периоды истории науки (в основном естествозна-

ния), принятые в них критерии научности, определить ведущие дисциплины каждого периода и конкурировавшие в них исследо-

вательские программы. Особое внимание будет уделено выявлению различий и связей между историей научного познания и историей усвоения идей обществом.

Нужно ли человеку летать?

Люди взлетают. Пугают чаек и буревестников, разрушают свои идеалистические образы, залетают за облака, видят, что Бога нет и вообще перестают стремиться к возвышенному, и вопрос «почему люди не летают?» — звучит как «почему люди не ходят?». Человечество теряет последнюю надежду. Люди бросаются под самолеты. Появляется новый вид самоубийства...

Поэтому необходимо:

- 1) запретить в художественных произведениях употреблять выражение «окрыленный человек»;
 - 2) объявить спортбщество «Крылья Советов» вне закона;
 - 3) в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» заменить полет Маргариты над городом на катание на велосипеде по микрорайону.
- И все-таки человек должен летать. Считать, что жизнь вы-

шла из воды — скучно. Пусть она будет с неба. Небо — это единственное что-то, к чему у человечества пока нет претензий. И потому, почему-то во нас люди чаще летают, чем плавают.

Давайте же летать! Это очень несложно. Нужно только поверить в себя и в небо. И оно вас примет. Главное — не бояться!

Будьте осторожней, пожалуйста. Падать все-таки больно...

К печати подготовила Н. ЗАХАРОВА.